
ДЕТСКИЕ ГОДЫ

1920

Февраль, 29. Село Веркола¹ Пинежского уезда Архангельской губернии, на правом берегу р. Пинега (в 50 км выше с. Карпогоры и в 282 км к юго-востоку от Архангельска²). А. родился в крестьянской семье³. Отец — *Александр Степанович Абрамов* (1878–1921). Мать — *Степанида Павловна*, по рождению *Заварзина* (1883–1947). Был седьмым (и последним) ребенком в семье.

Старшие братья и сестры: *Михаил* (1905 — 13 авг. 1961), *Николай* (1911 — 31 окт. или 1 нояб. 1943), *Анна* (умерла 10-ти лет⁴), *Мария* (умерла маленькой), *Василий* (1914–1969), *Мария* (1918 — 19 мая 1994).

Свидетельства А.:

«Родина — это то, без чего невозможно представить жизнь человека. Я вкладываю в это понятие прежде всего нравственный смысл. Для всякого честного человека любовь к Родине — это святой долг по ее возвышению и, когда надо, защите. Только люди с пустой душой теряют сыновнее чувство к Родине.

¹ Впервые Веркола встречается в новгородских грамотах XV в., хотя само поселение, несомненно, намного древнее, поскольку археологические раскопки начала 1990-х гг., проводившиеся в окрестностях Артемиево-Веркольского монастыря, выявили захоронения XI — середины XII в. Само название имеет финно-угорское происхождение. «Верк» в переводе означает «сеть». Следовательно, «Веркола» — это место, где раскидывают сети (см.: *[Без подписи]*. Древнейший край земли Русской: история Пинежья // Абрамовский фонд. Неидентифицированный источник. Компьютерная распечатка). — Здесь и далее: примечания автора-составителя Летописи, если не оговорено иное.

² Расстояния исчислены по автомобильной трассе.

³ Ср. в письме *М. А. Абрамова* (22 февр. 1961): «Разрешите, дорогой и любезный мой братец и крестник, поздравить (так! — *Г. М.*) вас с днем рождения 15-го февраля по старому, а по-новому 1-го марта. Желаю вам всех наилучших успехов в жизни и работе, а самое основное — хорошего и крепкого здоровья на долгие годы жизни» (Архив А.).

⁴ Вероятно, эти сведения об Анне (Библиография 1993. С. 137) не вполне точны, см.: 1931. Февраль, 7 (свидетельство *М. С. Семьиной*).

Конечно, есть у каждого человека и свое, неповторимое, в ощущении Родины, обычно связанное с его биографией. Скажем, для меня, когда я говорю о Родине, да и для многих людей, родившихся в деревне, она — прежде всего родная земля, по которой протопал босыми ногами еще в детстве, где пришлось испытать первые радости и пролить первые слезы. Это та самая земля, в которой захоронен прах моих предков, на которой дорогие могилы отца и матери. При одном воспоминании об этом щемит сердце. Я не сентиментальный человек, был на войне и видел смерть в глаза, но образ родной деревни волнует меня до бесконечности. <...>

Земля, на которой ты родился, притягивает потом к себе всю жизнь» (Самая прекрасная страна: [1977] // Собр. соч. Т. 5. С. 270).

«Я родился в [самом]⁵ красивейшем месте России, для меня, конечно, красивейшем. В Архангельской области, в селе Веркола на реке Пинеге. В краю белых ночей и бескрайних лесов, к сожалению, ныне немало поределых. В краю былин и сказок» (Самый надежный судья — совесть [1981] // Там же. Т. 5. С. 33).

«Русский Север. Поморье. <...> Родная, ни с чем не сравнимая земля отчич и дедич. Край невероятных просторов, раздолья и воли <...>, край редкого богатства и редкой красоты, которая и поныне еще не утратила очарования первобытной дикости. <...>

Дивные, прославившиеся на весь мир каменные и деревянные храмы (достаточно назвать такую жемчужину северного зодчества, как Соловки), бесподобные бревенчатые дома-богатыри, дома-крепости с их непременно деревянным конем, горделиво восседавшим на двухскатной тесовой крыше, символом крестьянского счастья и благополучия, амбары, целой улицей выстроившиеся на передках села...

Однако, быть может, самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры — это слово. Живое народно-поэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер. Слово, которое и сегодня сохранило строй и дух русского языка древнейшей поры, времен Господина Великого Новгорода, и уже одно это делает его краем наших истоков, наших духовных начал, ибо язык народа — это его ум и мудрость, его этика и философия, его история и поэзия» (В краю родникового слова [1982] // Там же. С. 70–71).

Сведения о предках А., извлеченные из листов Первой Всеобщей переписи (1897): «...дед Федора Александровича Степан Кириллович Абрамов. 62-летний вдовец, обозначенный в переписном листе как „земледелец-хозяин“, имел большую семью. Вместе с ним жили сыновья — Павел 28 лет и Александр 19 лет (будущий отец писателя), а также дочери — Василиса 28 лет и Параскева 14 лет. Старший сын Степана Кирилловича был женат на 22-летней Екатерине Давыдовне. Все Абрамовы, за исключением Павла Степановича и его жены, были неграмотными. В момент переписи Александр Степанович был в отсутствии: служил кучером в Архангельске.

Бабушка писателя по линии матери, Дарья Леонтьевна, происходила из рода Заварзиных. В 1897 году 56-летняя вдова имела трех дочерей. Младшей из них, Степаниде Павловне, будущей матери писателя, было в то время 13 лет. Она, в отличие от старших

⁵ Только в ранней публ.: 15 встреч. С. 89. В Собр. соч. слово *самом* пропущено.

Рис. 1. Село, в котором родился Абрамов (???)

сестер Марфы и Ирины (28 и 26 лет), не умела читать. Неграмотной была и сама Дарья Леонтьевна. <...>

Во время переписи 1897 года в состав Верколы входили 18 деревень и околков. Среди них Копыловская, Парфеновская, Куликовская, Мелеховская, Кирилловская, Яковлевская и т. д.⁶ Предки писателя по линии отца проживали в деревне Турановской. <...>

Весьма интересным является тот факт, что и дед по линии отца писателя, и бабка по линии матери в ответ на вопрос о вероисповедании заявили о своей принадлежности к старообрядцам филипповского толка. И это официально отмечено в переписном документе. А все их дети зарегистрированы как православные» (*Овсянкин Е. И.* Предки и родина Федора Абрамова // *Творчество Федора Абрамова: традиции и современность: тез. докл. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения... Ф. А. Абрамова.* Архангельск, 1995. С. 23–25).

Свидетельство *М. А. Абрамовой* в письме к И. П. Золотусскому (без указания даты): «Мать в своей семье была самой младшей. Мой дедушка, ее отец, умер рано. Землей был наделен только он один. А у бабушки было пять человек детей и все девчонки. И всю жизнь до замужества ходили по работницам, чтоб прокормиться. А мама моя побиралась

⁶ Кроме того, Хярга, Ежемьень, Околок, Смутово, Прокшино и др.

с коробкой в руках. „Помню,— говорила она,— снег-то начнет таять, а я босая ходила, с проталинки на проталинку перескакиваю, ногу подтяну под себя и опять бегу“» (Золотусский. С. 11).

Свидетельства А.:

«...моя родная тетка Ирина, старшая сестра моей матери. Это была старая дева, малограмотная, как называют в народе, „Христова невеста“. Швея, со своей старенькой разбитой машинкой „Зингер“ она обходила и обшивала всю нашу большую деревню. И приход ее в каждый дом был великой радостью, потому что вместе с тетушкой Ириной в дом входил свет, входили благодать, доброта, само милосердие и бескорыстие. И люди на глазах добрели. В семье прекращались всякие ссоры. И на неделю, иногда на 10 дней, иногда и на две недели, в зависимости от количества пошива, в этом доме воцарялось вроде Рождества Христова или Пасхи. Даже не это, а какая-то благоговейная тишина, атмосфера удивительной красоты, доброты и сердечности.

Тетушка, конечно, у меня была очень религиозная, староверка. Она была начитана, прекрасно знала житийную литературу, любила духовные стихи, апокрифы. И вот целыми вечерами, бывало, люди слушают, и плачут, и умиляются. И добреют сердца. Где-то и сами набираются самых хороших и добрых помыслов. Так что первые уроки доброты, добросердечности, первые нравственные уроки идут от моей незабвенной тетушки Ирины» (Слон голубоглазый [1979] // Собр. соч. Т. 4. С. 208).

«Мама. Степанида Павловна, неграмотная крестьянка, которая с трудом умела ставить три печатные буквы. Но крепкая, неглупая, властная и работающая женщина, рано овдовевшая, но которая твердой и уверенной рукой повела нашу семейную ладью. <...>

Не могу без чувства глубокой трепетности, глубокого волнения вспомнить тетушку Ирину Павловну — старая дева, которая всю жизнь обшивала за гроши, почти задаром, деревню. Но великая праведница, вносившая в каждый дом свет, доброту, свой мир. Единственная, может быть, святая, которую я в своей жизни встречал на земле. От рук этой тетушки Ирины — она в отличие от матери была большой книголюбившей — я впервые вкусил духовной пищи» (Работа — самое большое счастье [1980] // Там же. Т. 5. С. 23).

По церковному календарю 29 февраля — Касьянов день⁷. «„Я — Касьян“, — это малознакомое, полшутливое слово мне неоднократно приходилось слышать из уст Ф. А. Абрамова. Однажды, видя, что до меня не доходит смысл сказанного, он пояснил: „Касьян — это 29 февраля, день моего рождения. Он бывает раз в четыре года“.

Позднее, обратясь к словарю, я узнал: Касьян — святой. Сердитый, неуживчивый. Народная мудрость гласит: „Касьян на скот — скотдохнет. Касьян на траву — трава сохнет“. Сердит, очевидно, потому, что именинником бывает не ежегодно, а только в високосный год.

<...> словесная привязанность к святому тезке-имениннику Касьяну у него (А. — Г. М.) была близкой» (Булыгин А. Касьян // Пинежская правда. 1992. 29 февр. № 25. С. 2).

⁷ В этот день, лишь в високосный год, празднуется память преподобного Кассиана Римлянина (435).

Свидетельства того, каким образом А. связывает себя с Касьяном, см.: 1980. Февраль, 7 и 23.

От родительского дома А. в Верколе сохранилась только зимняя (малая) изба, в которой он и родился.

Воспроизведение фотографии матери А., Степаниды Павловны Абрамовой, см.: Воспоминания. С. [5].

Март, 18 (?). Крестины А. в веркольском деревянном храме Николая Чудотворца, построенном на средства Артемиево-Веркольского монастыря⁸.

5 марта по старому стилю церковь празднует обретение мощей благоверных князей Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина, ярославских чудотворцев (1463). Крестный — брат Михаил.

Свидетельство Л. К.: «Малоизвестно, что при крещении священник хотел дать имя будущему писателю по Святому дня его рождения — Касьян. Но мать умолила батюшку дать ребенку не столь редкое имя. Близким именем в святцах оказалось — Федор, им младенца и нарекли.

С раннего детства Абрамов впитал основы христианской веры и нравственности, прежде всего от своей тетушки Ирины Павловны. <...>

Кроме того, в детстве будущий писатель хотел походить на местного святого — праведного отрока Артемия Веркольского» (Жива Россия. С. 343).

«Церковь, к сожалению, не сохранилась. В 60-х годах XX века она была разобрана и развезена по дальним сенокосным угодьям» (*[Без подписи]*. Древнейший край земли Русской: история Пинежья // Абрамовский фонд. Неидентифицированный источник. Компьютерная распечатка).

Свидетельство *К. И. Коничева* о том, что это действительно день ангела А., см.: 1968. Март, 18.

Август, 14. Распоряжение Пинежского уездного отдела народного образования Архангельской губернии № 2209: «Гр<аждани>ну Алексею Федоровичу Калининцеву. Пинежский Уездный Отдел Народного Образования сообщает, что Вы

Рис. 1. Святой праведный Артемий Веркольский, фрагмент иконы

⁸ Монастырь расположен напротив Верколы, на левом берегу р. Пинега. Официальной датой его основания считается день освящения новой церкви в честь св. вмч. Артемия 17/27 окт. 1649 г. Закрыт в 1919 г., восстановлен в 1990 г. трудами Л. К. (см.: *Варнава [Лосев], иером.* Артемиево-Веркольский монастырь в датах и лицах // Архангельский епархиальный вестник. 2000. Окт. № 8. С. 1–4; Артемиево-Веркольский монастырь). Название обители связано с именем святого праведного отрока Артемия, жившего в Верколе в 1532–1544 гг. и погибшего от удара молнии во время грозы. На месте его смерти в поле у д. Ежемь в 1867 г. была выстроена часовня, сохранившаяся до наст. времени (обновлена в 2007 г.).

назначаетесь учителем Карпогорской школы II ступени с 1-го августа, куда и надлежит Вам явиться с получением сего».

Воспроизведение: Егорова 2005. С. 215.

Глубоко почитавшийся А. всю жизнь учитель А. Ф. Калинин (11/23 марта 1882 — 18 февр. 1941) родился в г. Мезень Архангельской губернии в семье мелкого торговца. После окончания в 1901 г. Тотемской учительской семинарии начал преподавать в церковно-приходской школе мезенской д. Целегора; инициатор строительства в ней народного дома, за что получил увольнение, как «неблагонадежный». До революции был близок к эсерам.

С 1908 г.— учитель начального училища в д. Кучкас на правом берегу р. Пинега (в 125 км выше с. Карпогоры). Здесь 29 декабря 1908 г. у него был произведен обыск и отобрана брошюра под заглавием «Народная школа в Германии, как она есть»⁹. (Золотусский. С. 7; Егорова 1989в; Егорова 2005. С. 208).

Из показаний одного из учителей¹⁰ Карпогорской средней школы на А. Ф. Калинцева, данных на предварительном следствии над ним (1938): «Во время гражданской войны на Пинеге до 1919 года оставался в Карпогорах, где сначала были белые, во время боя перед отступлением белых перешел из школы в другой конец деревни, но с белыми не отступил, а другая интеллигенция отступила <...>. В 1917 году проявлял восхищение революцией и увлекался работой: проводил собрания по деревням, по организации потребительской кооперации, собирал вступительные и паевые. Своим бывшим ученикам читал иногда брошюры, выпущенные к избирательной кампании по выборам в Учредительное собрание. Вспоминается одна брошюра, в которой очень часто встречалась фраза „В борьбе обретишь ты право свое“¹¹. Я, например, после чтения этой брошюры, будучи 16 лет, говорил, что Калинин — „социалист-революционер“<...>» (Егорова 1989в; Егорова 2005. С. 208)¹².

⁹ Подразумевается изд.: Рюте О. Народная школа в Германии, как она есть. [СПб., 1906]. (Дешевая б-ка изд. <С.> Скимунта. Сер. социал-демократическая).

¹⁰ Ср.: «...памятуя о душевной травме, нравственных страданиях, которые невольно может причинить мой рассказ детям и внукам тех, кто привлекался к следствию, я не назову их фамилий» (Егорова 1989б; Егорова 2005. С. 195).

¹¹ Лозунг партии социалистов-революционеров.

¹² Основные публикации о А. Ф. Калининцеве использованы при составлении Летописи. Дополнительно также см.: Золотусский И. Чистое слово: [очерк] // Октябрь. 1986. № 5. С. 194–195; перепеч.: Север (Мезень). 1987. 25 февр. № 24. С. 3; Доморощенин С. Н. Учитель // Там же. 1989. 8 авг. № 95 (7506). С. 3; 10 авг. № 96. С. 3; 12 авг. № 97. С. 3; 15 авг. № 98. С. 3; 22 авг. № 101. С. 3; 24 авг. № 102. С. 3; 26 авг. № 103. С. 3; 29 авг. № 104. С. 3; Угаров Ю. И. Перед ним благоговела вся Пинега // Архангельск. 1995. 1 сент. (вырезка в составе Абрамовского фонда); Окладников Н. А. Учитель: (А. Ф. Калининцев) // Творчество Федора Абрамова: традиции и современность: тез. докл. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения... Ф. А. Абрамова. Архангельск, 1995. С. 19–23; Он же. Учитель: (об учителе Ф. Абрамова — мезенце А. Ф. Калининцеве) // Он же. Край родной Мезенский: очерки о прошлом Мезенского края. Архангельск, 2009. С. 364–369.

Сентябрь, 23. Петроград. Родилась Л. К. Отец — *Владимир Васильевич Крутиков* (?–1928), принадлежавший к богатому купеческому роду *Захаровых*. Мать — *Александра Лаврентьевна*, по рождению *Собицова* (1892 — 19 марта 1980).

Младшая сестра — *Татьяна*, в замужестве *Шишова* (род. 27 июля 1922).

Свидетельство Т. В. Шишовой (2007): мама «выросла без мамы, она рано умерла. Ее дедушка, Лаврентий Петрович, он работал сторожем в Русском музее, он ее воспитывал один» ((Шишова Татьяна Владимировна [Воспоминания]. Запись О. Г. Кощеева // [Электронный ресурс]: Я помню: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. URL: <http://iremember.ru/memoirs/mediki/shishova-tatyana-vladimirovna/> (дата обращения 01.09.2015)).

Свидетельство Л. К.: «Мама <...> происходила из простонародной крестьянской среды. А отец <...> был из богатой семьи, особенно по материнской линии. Его мать (моя бабушка) Ольга Кузьминична (в девичестве Захарова) была из древнего рода Захаровых, которые до 1917 года владели кирпичными заводами в Ижоре и несколькими домами в Петербурге, в том числе и домом на Восьмой Рождественской улице, где жила не только наша семья, но и бабушкины сестры, ее брат Дмитрий Кузьмич, который, как мне рассказывали, даже заседал в первой Государственной Думе, а бабушка танцевала на царских балах¹³. Но после революции они лишились всего имущества и привилегий, обеднели, и многие из них с трудом приспосабливались к новым условиям жизни.

Мама моя была более приспособлена, она еще до революции работала в частной швейной мастерской, стала очень способной портнихой и всегда могла заработать на кусок хлеба. Поэтому она несколько свысока смотрела на отцовских родственников, которых считала изнеженными господами» (Двина. 2010. № 4. С. 26–27; В поисках истины I. С. 12–13).

Захаровы — старинный усть-ижорский род крестьянского происхождения. Предки Захаровых, согласно преданию, были привезены на берега Невы из Ярославской губернии между 1707 и 1717 гг. Родословная ведется от *Кузьмы Алексеевича Захарова* (1782–1838), владельца двух первых кирпичных заводов в Усть-Ижоре. В 1903 г., когда заводов у Захаровых было уже четыре, «на них работали почти 700 человек, и выпускали они кирпича на 377 тысяч рублей, или, при средней цене в 15 руб. за тысячу штук кирпича, — более 25 миллионов штук кирпича! Недаром захаровский кирпич находят при ремонтах во многих зданиях Санкт-Петербурга» (*Воронова Ю. С., Гладышева Н. И.* Семья Захаровых — основателей кирпичного промысла в Усть-Ижоре // Кирпич и кирпичное производство в Петербурге: [сб.]. СПб., 2003. С. 61).

¹³ Балы в России со времен Петра I являлись обязательным элементом государственной и общественной жизни, а неумение танцевать считалось среди образованных людей весьма серьезным недостатком воспитания. Под «царскими балами», на которых присутствовала О. К. Захарова (Крутикова), подразумеваются, очевидно, так называемые «всесословные балы», введенные при Екатерине II. Российские императоры давали их один раз в год в Зимнем дворце.

Родовой участок Захаровых, бывших щедрыми вкладчиками усть-ижорской церкви Святого благоверного князя Александра Невского¹⁴, существует на кладбище при этом храме. Здесь сохраняются надгробия многих членов семьи, скончавшихся в XIX в., начиная с самого *К. А. Захарова*. Другой родовой участок Захаровых расположен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Депутатом Государственной Думы Российской империи *Д. К. Захаров* не был, так же как и никто другой из представителей этого рода. Вероятно, семейное предание таким образом сохранило память о том, что гласным Санкт-Петербургской городской думы состоял его троюродный брат *Михаил Васильевич Захаров* (1861–1918), купец 2-й гильдии и потомственный почетный гражданин, похороненный на Никольском кладбище Александро-Невской лавры (Соколова. С. 156).

Из рода происходит архитектор *Алексей Александрович Захаров* (1882–1967), построивший для различных представителей семейства доходные дома в Санкт-Петербурге: Кировная ул., 49 — 1909–1910; Клинский пр., 17 / правая часть: Серпуховская ул., 19 — 1912–1913; Клинский пр., 17 / левая часть: Бронницкая ул., 16 — архитектор П. М. Мульханов, 1897; архитектор А. А. Зограф, 1900; надстройка — архитектор А. А. Захаров, 1913. С 1913 г. жил и работал в США (см.: Архитекторы — строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справ. / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 136–137).

Упомянутый Л. К. доходный дом на 8-й Рождественской ул., угол Советского пр.¹⁵ (совр. адрес: Суворовский пр., 26 / 8-я Советская ул., 14) построен архитектором П. И. Гилевым в 1897–1898 гг. (см.: Там же. С. 95).

Адрес *Д. К. Захарова* перед революцией: Суворовский пр., 26–28. Он имел чин статского советника (V класс Табели о рангах, дававший право на личное дворянство). Служил по Отделению неокладных сборов Министерства финансов Российской империи. Почетный мировой судья Петроградского уезда Петроградской губернии. Товарищ председателя Петроградского комитета по сбору пожертвований в пользу Московского детского приюта Ведомства учреждений Императрицы Марии (см.: Весь Петроград на 1916 г.: адрес. и справ. кн. г. Петрограда. [Пг., 1916]. Алфавитный указатель жителей Петрограда... С. 252; Там же, на 1917 г. [Пг., 1917]. С. 255). Адреса после революции: 10-я Рождественская ул., 16 (см.: Там же, на 1923 г. [Пг., 1923]. С. 187); 8-я Советская ул., 14 (см.: Весь Ленинград на 1926 г. [Л., 1926]. Алфавитный указатель жителей Ленинграда. С. 132; Там же, на 1927 г. [Л., 1927]. С. 165; Там же, на 1928 г. [Л., 1928]. С. 205). Род его занятий, указанный в этом справочнике после революции: в 1923 г. санитар; в 1926 и 1928 гг. — сотрудник «Центроспирта» (в 1927 г. род занятий не указан).

¹⁴ Церковь (предположительно, архитекторы В. И. и П. В. Нееловы, 1798–1799; перестройки: архитектор Громов, 1835–1836; архитектор М. А. Шурупов, 1871–1875) и кладбище при ней находятся в месте Невской битвы, произошедшей 15/21 июля 1240 г. — древнейшего события на современной территории Санкт-Петербурга из числа зафиксированных документально.

¹⁵ Советский пр. — название Суворовского пр. в 1918–1944 гг. (здесь и далее сведения о наименованиях и переименованиях на территории Ленинграда / Санкт-Петербурга даны по изд.: Большая Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имен / под ред. А. Г. Владимовича. СПб., 2013).

Адреса *Влад. Вас. Крутикова*: Комиссаровская ул.¹⁶, 62 (см.: *Весь Петроград на 1923 г.*: адрес. и справ. кн. г. Петрограда. [Пг., 1923]. Алфавитный указатель жителей Петрограда. С. 262; *Весь Ленинград на 1924 г.*: адрес. и справ. кн. г. Ленинграда. [Л., 1924]. Алфавитный указатель жителей Ленинграда. С. 141); Советский пр., 26 (см.: Там же, на 1925 г. [Л., 1925], С. 206); 8-я Советская ул., 14 (см.: Там же, на 1926 г. [Л., 1926], С. 186; Там же, на 1927 г. [Л., 1927], С. 233; Там же, на 1928 г. [Л., 1928], С. 291). Род его занятий, указанный в этом справочнике: в 1923 г. шофер; в 1924–1928 гг. — зубной техник.

1921

Конец зимы — весна. Из-за худой обуви А. С. *Абрамов* «простудил» (отморозил) ноги и был отправлен в больницу с. Карпогоры, где и скончался. В Верколу его тело привез сын Михаил, оставшийся в семье за старшего.

Свидетельства М. А. Абрамовой в письмах к *И. П. Золотусскому* (без указания дат): «Родители мои крестьяне. Всю жизнь занимались крестьянским трудом: пахали землю, сеяли хлеб, заготавливали корм скоту. Отец Александр Степанович умер рано. Обувь была плохая, застудил ноги. Ногу отняли. Писал из больницы из Карпогор маме, чтоб обувь ребятам не отдавала в починку, сам приедет скоро и починит. И вдруг телеграмма: „Приезжайте за телом“. Была распутица, и старший брат Михаил (ему всего было 15 лет) один ездил за мертвым отцом. Осталось нас у матери пять человек. Феде был только годик. <...>

Мать говорила, что отец никогда на нее ни разу рук не приложил, плохим словом не обозвал. <...>

Когда гроб с телом отца стоял в избе, женщины все просили, чтоб малого бог прибрал, то есть Федю. Мать сказала: „Не умирать родился, жить“. Тогда женщины сказали, что Степанида, видно, помешалась с горя» (*Золотусский*. С. 10, 11, 18).

Свидетельства А.:

«В 1922 году¹⁷, когда <...> мне шел второй год, отец умер от заражения крови. Матери пришлось очень туго, особенно в первые годы после гражданской войны <...>» (*Абрамов Ф.* Повесть о любви [1950] / к печати подгот. Л. Крутикова-Абрамова // *Правда Севера*. 1996. 17 авг. № 155. С. 4).

Запись «Михаил»: «Похороны отца. Ему 15 лет, младшему год. Несет в шубе ребенка.

— Смотрите-ка, не лошадь ведет, а ребенка несет.

— Идет с отцовским ребенком, а не отца спроважает.

Привез мертвого отца в великий пост из Карпогор. Забереги. Пятнадцатилетний паренек переносил мертвого отца на руках»¹⁸ (*Записные книжки*, 28 июля 1957).

¹⁶ Комиссаровская ул. — название Гороховой ул. в 1918–1927 гг.

¹⁷ Так в источнике.

¹⁸ Эпизод нашел отражение в романе А. «Две зимы и три лета» в сцене перевоза Михаилом тела Тимофея Лобанова, который умер от рака в районной больнице: «Зимник под Марьиными

«Когда умер отец, нас на руках у матери осталось пятеро. Причем старшему было 15 лет, а младшему 2 года¹⁹. Младшим был я» (Кое-что о писательском труде [1974] // Собр. соч. Т. 5. С. 231).

«Я вышел из крестьянской многодетной семьи. Когда умер отец, нас у матери осталось пятеро²⁰» (Своя тропка [1974] // Собр. соч. Т. 5. С. 247).

«В 1922 году²¹, когда мы остались без отца, старшему было пятнадцать, младшему (я был младший) шел второй год, и у нас была всего лишь коровенка. А за восемь лет, когда мы вступали в колхоз, мы своим трудом, наша ребячья коммуна сотворила чудо: у нас было две лошади, две коровы, был бык, была телушка, был добрый десяток овец — все это мы наделали. <...>

Старший брат Михаил, на пятнадцать лет меня старше. Это был брат-отец. Он был для меня и для всей нашей семьи тем же, чем был Михаил Пряслин для своей семьи²²» (Работа — самое большое счастье [1980] // Там же. С. 23).

«Когда умер мой отец, нас у матери осталось пятеро. Мал мала меньше, старшему пятнадцать, младшему [мне] — второй год [шел]²³. И отец оставил нам немного, наследие небольшое: коровенку и пол-избы» (Самый надежный судья — совесть [1981] // Там же. С. 56)²⁴.

Свидетельства *М. А. Абрамовой*:

— в письме к И. П. Золотусскому (без указания даты): «Да, мама хлебнула горя <...>. Ведь колхозов еще не было, помощи ждать было неоткуда. Нужно было все самой делать

лугами он проскочил запросто, а подъехал к этому берегу — стоп: на три — на четыре сажени хлещет поляя вода.

Илья Нетесов, поджидавший его на берегу, кричал:

— Назад, назад!

А куда назад? Лед трещит под ногами.

Он изо всей силы огрел коня — вперед, вперед! — и вскочил на сани. Холодная ледяная вода ударила по коленям.

— Михаил, Михаил! — опять услышал он крик. — Тимофея, Тимофея держи!

Шинель с Тимофея сдернуло. Мертвое, желтое лицо полощет водой. И тогда он пал на Тимофея, ухватился руками за копылья и своим телом прижал покойника к саням...» (Собр. соч. Т. 1. С. 469).

¹⁹ Так в источнике.

²⁰ В первой публ.: *семеро* (Книжное обозрение. 1974. 6 дек. № 49. С. 8).

²¹ Так в источнике.

²² М. А. Абрамов является одним из прототипов Михаила Пряслина в тетралогии «Братья и сестры». Главным прототипом принято считать *Михаила Ивановича Абрамова*, см.: 1941. Август, 12.

²³ Только в ранней публ.: 15 встреч. С. 106. В Собр. соч. слова *мне* и *шел* пропущены.

²⁴ Ср.: «Ему было немногим больше двух лет, когда умер отец и все заботы о семье взяла на себя мать, сумевшая вырастить и поставить на ноги шестерых детей» (*Губко Н. Федор Абрамов* // Абрамов Ф. А. Братья и сестры; Безотцовщина; Рассказы. М.; Л., 1966. С. 413).

и моему старшему брату. Он с 15 лет стал робить за мужика. Тут и Николай с Василием помогали. Потом и мы подросли, стали тоже помогать. Вода, дрова, корм для скота — это наша с Федором была работа. На мельницу с ним тоже ночевать ходили, чтоб мельник наше зерно молот. Мама о нас заботилась. Никогда не давала лечь спать голодными. Если уснем, то будила нас и заставляла есть. Федю особенно оберегал старший брат Михаил. Но и нас он никогда не наказывал. Михаил и Николай работали зимой на лесозаготовках. Домой приезжали, чтоб сена и дров привезти, в бане помыться и забрать хлеба, картошки... Михаил учился 3 года в школе, столько и Николай. Ведь нужно было работать» (Золотусский. С. 12).

— на первой встрече одноклассников А. в Верколе в день открытия Литературно-мемориального музея его имени (7 декабря 1986)²⁵: «„Нас осталось от отца пятеро. Мал мала меньше. Спасибо старшему брату, что не бросил нас, всех поднял на ноги. Некоторые ребята зарабатывают деньги, пьяные идут. Михаил идет, обвешанный сушкой, как бусами, а то и конфет несет, <отрез> на платье купит. Мама скажет:

— Что ты, Миша, хоть себе покупай.

— Да что ты, мама, их одевать надо!

Особенно заботился Михаил о младшеньком, о Федоре. Никогда пальцем не давал обидеть его, жалел его. И мать жалела. Помню, бабы роптали:

— Хоть бы этот-то умер, куда он без отца.

А мать им: — Не смейте так говорить! Он не умирать родился, а жить» (Абрамова. С. 44–45; с неточностями: *Ларин О.* Помните, у Абрамова...: [очерк] // Новый мир. 2000. № 2. С. 158).

1922

Июль, 27. В Петрограде родилась *Татьяна Владимировна Крутикова*, сестра Л. К.

В тот же год. В Петрограде скончался *Василий Васильевич Крутиков*, — дед Л. К. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, где находится один из двух участков рода Захаровых²⁶.

²⁵ На первую встречу одноклассников А. по Веркольской, Кушкопольской (Кушкопальской) и Карпогорской школам собралось 17 человек, см.: *Голицын Н.* Абрамовский урок // Правда. 1986. 21 дек. № 355. С. 3; *Мельницкая Л.* В Верколу, к Абрамову // Правда Севера. 1987. 1 марта. № 51. С. 3. Вторая встреча состоялась 2 авг. 1989 г., см.: *Абрамова А.* Приглашаем одноклассников // Пинежская правда. 1989. 1 авг. № 92. С. 1; *Егорова Л.* Встречи в Верколе // Правда Севера. 1989. 12 авг. № 185. С. 4.

²⁶ Исконный родовый участок семьи Захаровых расположен на кладбище при усть-ижорской церкви Святого благоверного князя Александра Невского, см.: 1920. Сентябрь, 23.

Адрес *Вас. Вас. Крутикова*: 2-я Рождественская ул., 14²⁷ (см.: *Весь Петроград на 1917 г.: адрес. и справ. кн. г. Петрограда. [Пг., 1917]. Алфавитный указатель жителей Петрограда... С. 359*). Род его занятий в этом справочнике не указан.

Соколова Л. И. Когда горит свеча. Вып. 2: Никольское кладбище Александро-Невской лавры. СПб., 2005. С. 168; Двина. 2010. № 4. С. 28; В поисках истины I. С. 17.

1923

Лето. Американский журналист *Альберт Рис Вильямс* (Williams, Albert Rhys; 1883–1962)²⁸ совершает поездку по р. Пинега, посетив деревни, расположенные между городом Пинега и с. Карпогоры, — Чаколу, Веегору (где происходит его встреча с М. Д. Кривополоновой), Пиринемь, Шотогорку.

О публикации очерка А. Р. Вильямса см.: 1925. Май.

Октябрь, 6. Исполком Петросовета принимает решение о переименовании Рождественских улиц в Советские улицы.

1924

Январь, 26. Второй съезд Советов СССР принимает постановление о переименовании Петрограда в Ленинград.

Февраль, 2. В д. Кусогора (около д. Веегора) Пинежского уезда Архангельской губернии, на правом берегу р. Пинега, скончалась великая народная сказительница *Мария Дмитриевна Кривополонова* (род. 19/31 марта 1843 в близлежащей д. Усть-Ежуга).

Свидетельство А.: «Мария Дмитриевна Кривополонова знала столько былин, скорошинок, сказок, песен, что память ее кажется совершенно необычайной для привычных измерений. Моя пинежанка. Человек обостренного, красивого слова» (Дервня — это мать наша [1982] // Собр. соч. Т. 5. С. 326).

М. Д. Кривополонова, «известная на родине больше под ласковым именем Махóньки»²⁹, задумывалась А. как одна из главных героинь его последнего романа «Чистая книга», оставшегося незавершенным. Место захоронения сказительницы на кладбище д. Чакола, на противоположном берегу р. Пинега, напротив д. Кусогора, А. посетил 29 июля 1982 г.

²⁷ Здесь в источнике опечатка. В разговоре на эту тему с автором-составителем Летописи Л. К. засвидетельствовала, что в действительности должно быть: 8-я Рождественская ул., 14.

²⁸ А. Р. Вильямс работал в России вместе с Джоном Ридом (Reed, John Silas; 1887–1920), скончавшимся в Москве от сыпного тифа.

²⁹ В краю родникового слова [1982] // Собр. соч. Т. 5. С. 72.

Лето. «Пророческий сон» Л. К., с описания которого начинаются ее личные воспоминания.

«Было мне годика четыре. Жили мы летом на даче в деревне недалеко от станции Сиверская, там протекала река Оредеж.

Однажды снится мне сон, который я запомнила на всю жизнь. Лежу я на песчаном берегу большой реки. Ясно, солнечно. Вокруг — никого. Я совсем одна. Любуюсь небом, рекой, просторами. Гляжу в бескрайнее небо и вижу — с небес спускается Господь и несет большой красивый деревянный полированный крест, который просто сияет на солнце. Господь спускается все ниже и вдруг вручает этот красивый крест мне. От радости я мгновенно просыпаюсь и кричу своей любимой бабушке: „Бабуля, какой я сон сейчас видела!“ С детской радостью и восторгом пересказываю ей увиденный сон. А она не радуется, не разделяет мой восторг и молчит, только обнимает меня. Почему, почему она не разделяет со мной мою радость? Бабушка, которая так любила и всегда понимала меня. Почему?

На этот детский недоуменный вопрос я не скоро нашла ответ. Только в зрелые годы, когда я стала по-настоящему воцерковленной, когда ознакомилась с православной литературой, я поняла, что бабушка, глубоко верующая, не могла разделить мою радость, ибо ее тогда испугал пророческий смысл моего сновидения, знак моего пожизненного креста. Своим любящим сердцем она почувствовала, какая трудная судьба ожидала меня впереди, как много мне придется перестрадать в жизни. Потому и молчала, огорчать меня не хотела.

Но и я долго не совсем точно толковала свой детский сон. Часто вспоминая его и осмысляя свой трудный жизненный путь, делясь размышлениями с друзьями, я всегда повторяла: „Крест тяжелый, но красивый!“ И только буквально в последние годы, на рубеже своего 90-летия³⁰, я вдруг поняла, что крест был не только тяжелым, но и светлым, радостным. Ведь недаром тот день был светлым и солнечным, недаром я пережила, может быть, самую большую радость, когда Господь сам вручил мне этот большой и красивый крест. Сегодня на месте моей любимой бабушки я бы так ответила маленькой внучке: „Деточка, у тебя в жизни будет много трудностей, скорбей, горестных переживаний. Но с Божьей помощью ты все³¹ перетерпишь и преодолеешь, будешь радоваться, когда научишься побеждать трудности, одерживать победы и управлять своими чувствами, радоваться, когда будешь нести добро и свет людям, всегда повинуйся Божьему Промыслу, исполняя Его Заветы“.

Бабушка так не сказала, но всем своим отношением ко мне и к людям, своим жизненным примером, своим терпением, смирением, добротой, любовью, бескорыстием, умиротворенностью она оказала на меня, на мою душу и сознание самое большое влияние. Не поучениями, не наставлениями, не наказаниями, а своим поведением, своей духовной силой, своей личностью, своим примером она влияла на меня больше, чем кто-либо другой в жизни. Но опять-таки я поняла и осмыслила это далеко не сразу. Формирование души опережало развитие разума и сознания, и, может быть, именно духовно-нравственное, иррациональное ядро личности затем влияло на мое сознание

³⁰ Первая часть воспоминаний Л. К. написана в 2009 г.

³¹ Так в источнике.

и поведение не только в детстве, но и всю последующую жизнь» (Двина. 2010. № 4. С. 25; В поисках истины I. С. 8–9).

Сентябрь, 23. В Ленинграде происходит одно из самых мощных наводнений (210-е по общему счету и второе по силе со дня основания города), на пике которого, в 19 ч. 15 мин., уровень подъема воды составляет 380 см выше ординара.

Свидетельство Л. К.: «Мы жили на 8-й Советской (тогда Рождественской), угол Суворовского проспекта. <...> 23 сентября 1924 года — мой день рождения, мне 4 годика. И вдруг совсем неожиданно для меня приходят и приходят люди, поздравляют меня, я удивляюсь. Оказалось — в городе сильнейшее наводнение. Мы жили далеко от Невы, на самом высоком месте, недаром его раньше именовали — Пески³². И вот в нашем доме многие спасались от наводнения» (Двина. 2010. С. 25, 26; В поисках истины I. С. 10, 12).

1925

Май. В № 4 журнала «Красная новь» (Москва) напечатан очерк «По глухим деревням Севера» А. Р. Вильямса, совершившего поездку по Пинеге в 1923 г.; анонимный перевод с английского (с. 248–256).

Очерк интересен точным описанием природы Пинежья, а также бытовых условий и нравов местных жителей, полностью соответствующих раннему детству А., и, безусловно, рассказом о личной встрече автора с М. Д. Кривополеновой.

«...Пинега показалась мне вовсе не такой уж первобытной и глухой. И хотя пароход не шел по реке дальше города, — дорога бежала дальше. С этой дороги, даже отъехав на много верст от города³³, можно было видеть золотой купол собора, построенного еще Екатериной II в виде „духовного аванпоста“ ее империи³⁴.

³² Пески — исторический р-н Санкт-Петербурга, в котором проходят Рождественские (Советские) улицы. Расположен между р. Нева, Невским и Лиговским проспектами, Преображенской (ныне улица Радищева) и Потемкинской улицами. Этимология названия восходит к существовавшей на этом месте до основания Петербурга мощной песчаной гряде, отложению бывшего здесь древнего моря. Пески — самое высокое место исторического ядра города, никогда не заливавшееся наводнениями.

³³ Уездный город *Пинега* (впоследствии *Пинега*) был образован в соответствии с указом императрицы Екатерины II «Об учреждении Вологодской губернии и о переименовании некоторых селений городами», данным 25 янв. 1780 г. (см.: Полное собр. законов Российской империи с 1649 г. Собр. первое. Т. 20. СПб., 1830. С. 911–912. № 14973). Ранее на этом месте в течение нескольких веков находился погост *Пинежский волок*.

³⁴ Каменный собор Троицы Живоначальной (Свято-Троицкий собор), на возведение которого Екатерина II в 1781 г. разрешила отпустить из казны 8 тыс. руб. ассигнациями. Строился в 1800–1817 гг. (архитектор неизвестен). Отдельно стоящая каменная же колокольня добавлена в 1878 г. на средства купца А. И. Кокина. Оба сооружения взорваны в 1936 г. (о соборе имеется также дневниковая запись М. М. Пришвина, см.: 1935. Июнь, 18).

Потом мы въехали в лес, пестревший елями, соснами и березами, и в течение нескольких часов наши телеги кидало из стороны в сторону по тряской дороге. Вдруг резкий поворот, и из этих зеленых туннелей мы выехали на берег реки. Перед нами, как яркая вышивка, раскинулись необозримые пинежские цветочные луга, протянувшиеся здесь верст на восемь. Эти луга, всего несколько недель тому назад залитые мутным весенним половодьем, теперь были затоплены цветами. Казалось, будто Север, отбросив свою долгую зимнюю суровость, вдруг решил отдаться безумному пиршеству пылающих желтых, розовых и пурпурных цветов: точно все краски и ароматы Севера в избытке дивной силы распустились здесь. Минуя золотые озера лютиков и пышные каскады ромашек, мы погружались в голубые волны колокольчиков и красные моря клевера. Над ними качались и гнулись от ветра белые скипетры гигантской таволги. Ветер был, очевидно, волшебный: как только он прекратился, все цветы куда-то исчезли, и перед нашими глазами заволновались звенящие темные тучи комаров. Слепящим роем они поднимались со всех сторон. По величине и силе эти комары были не менее замечательны, чем цветы: и те и другие были порождением этих лугов. Теперь, точно желая отомстить нам за цветы, смятые и раздавленные колесами телеги, они нападали на нас целыми полчищами, впиваясь в нашу кожу острыми жалами, отчего кровь брызгала сразу в сорока местах. <...>

Надо заметить, что нашего возницу не особенно беспокоили набросившиеся на нас тучи комаров. Он совершенно спокойно относился к ним, точно вокруг нас летали мирные бабочки... Предупрежденные заранее, мы запаслись скипидаром и гвоздичным маслом, но здешние комары упивались этими жидкостями, как сладостным нектаром. Приходилось жалеть, что мы не захватили с собой вытяжки из оленьего рога, одной капли которой, говорят, достаточно, чтобы обратить в бегство медведя. <...>

Чем выше мы поднимались по реке, тем глубже уходили в русское прошлое. Улицы с высокими черными домами походили на Старый Новгород. Тут были настоящие бревенчатые дома, настоящие крестьянки в высоких головных уборах и девушки, водившие хороводы в ярких, как радуга, одеждах. Тут же были и былины — эпос, вещающий о подвигах сказочных древних витязей, уводящий нас в дальний сумрак славянской истории.

Когда-то по всей России хаживали сказители былин, баяны, русские барды — теперь их можно встретить только в этой лесной глуши. Но и тут пришлось мне долго разыскивать их: наконец, в В<еегоре> на мои расспросы ребяташки ответили:

— Есть тут у нас бабушка, она поет и сказывает.

И вот из маленькой дверцы маленькой бревенчатой хижинки вышла маленькая старушка — больше восьмидесяти лет, наверно, и невесомая на вид. Точно из волшебной сказки вышла. Но она не обладала волшебным могуществом и была в искреннем отчаянии от того, что ей нечем было угостить меня: в доме даже хлеба не было.

— Ты меня песней угости, бабушка, я только за этим и приехал, — сказал я.

— Вот и хорошо, батюшка, петь я тебе хоть до вечера буду.

И тут же она начала мне былинку об Илье Муромце, богатыре при Владимире-Красное Солнышко.

— Неужели вы не устали? — спросил я ее после того, как она полчаса сказывала о подвигах Ильи Муромца.

Она даже не ответила мне, она не слышала моего вопроса: она была уже не в этой бревенчатой хижинке, а в дальнем Киеве-граде, она слышала звон колокольный с башен киевских, она мчалась с Ильей по полю бранному. Она была вся захвачена своим искусством — истинная артистка с превосходно поставленным дыханием. Голос ее, хотя и ослабший к восьмидесяти годам, был крепок и ясен: казалось, она может так продолжать много часов подряд...» (С. 248–249, 253–254).

Очерк А. Р. Вильямса перепеч. в сокр.: Пинежская правда. 1983. 27 сент. № 116. С. 3.

Собирая материал к роману «Чистая книга», А. с 28 июля по 2 августа 1982 г. совершает аналогичное путешествие, но в противоположном направлении — от с. Карпогоры до пос. Пинега.

Маршрут А. Р. Вильямса в целом был повторен 60 лет спустя, см.: *Егорова С.* На Севере, в Пинеге... // Советская торговля. 1983. 9 июля. № 82. С. 3 (с упоминанием А.).

Июнь, 6. Президиум Всероссийского Центрального исполнительного комитета принимает постановление «Об утверждении городскими поселениями населенных пунктов Архангельской и Псковской губерний», в соответствии с которым статус города Пинега понижается до села³⁵.

Известия. 1925. 24 июня. № 141. С. 5; Собрание узаконений и распоряжений рабоче-го и крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. 1925. 22 июля. № 42. Отд. первый. С. 528 (Ст. 302).

Сентябрь, 22. В Веркольском монастыре сняты и разбиты колокола.

Протокол: «1925 года сентября 22 дня. Мы, нижеподписавшиеся, представитель Губтранса Шатров Иван Кастулович, член Веркольского сельского комитета Абрамов Василий Васильевич и сельский милиционер из Верколы Рудаков Иван Иванович. На основании удостоверения административного отдела Архгубисполкома от 22 августа 1925 г. за № 15315/0 и удостоверения Архангельской конторы акционерного Общества „Транспорт“ от 28 августа 1925 г. за № 3728, сего числа произведена съемка, разбивка колоколов в бывшем Веркольском монастыре Карпогорской волости. Всего снято и разбито 23 колокола приблизительно весом шестьсот десять пудов³⁶. Съемка и разбивка производилась без перевески, т<ак> к<ак> на месте весов не оказалось. На 21 колоколе имеются весовые марки весом 598 пуд<ов> 25 фун<тов>. На 2 колоколах веса не указано, пришлось вес взять условный 12 пудов. Съемка произведена с незначительным повреждением крыши соседнего здания, и тут же средствами Губтранса была исправлена.

Железо, состоящее из языков от колоколов, подвесных петель и болтов, в количестве около 30 пудов, передано под охрану Веркольского СиК'а³⁷, которое находится на колокольне, а большие языки на земле, что и постановили записать в настоящий акт.

Подлинный подписали:

Представитель Губтранса *И. Шатров*.

³⁵ С 1960 г. Пинега — поселок городского типа; с 1984 г. — поселок.

³⁶ Десять тысяч килограммов.

³⁷ Сельский исполнительный комитет.

Член Веркольского СиК'а: *Вас. Абрамов*.
 Старший милиционер при Веркольском СиК'е: *Рудаков*» (Артемиево-Веркольский монастырь. С. 227).

1926

Лето. А. научился косить.

Свидетельства А.:

«Я рос без отца. Было семь³⁸ человек, старшему — пятнадцать лет. Не было ни детдома, ни интерната. В 6 лет я уже косил. Братья меня выучили» (Встреча со студентами и преподавателями Архангельского государственного педагогического института им. М. В. Ломоносова [1974] / запись Л. И. Лениной // А. и Север. С. 142).

«И вот так: товарищи твои на улице играют, детство свое „справляют“, а ты вкальваешь, ты кусок хлеба насущного в поте лица своего добываешь. Я и теперь без удивления не могу вспомнить, что натворила наша ребячья семья за восемь лет безотцовщины» (Кое-что о писательском труде [1974] // Собр. соч. Т. 5. С. 231).

«...я с шести лет начал косить, я с шести лет начал работать» (Самый надежный судья — совесть [1981] // Там же. С. 47).

1927

Январь. Из Архангельска в с. Пинега своим ходом приходят первые 10 тракторов.

Из письма ответственного секретаря Архангельского губкома ВКП(б) *Сергея Адамовича Бергавинова* к председателю Госплана Г. М. Кржижановскому: «...теперь-то мы сможем постепенно превращаться в деревянный Донбасс. <...> Купили 4 трактора... добились из Америки еще 10 тракторов... пустили их на лесозаготовки... Ведь это же дело всеоюзное, а пионерами явились мы — губерния... Ведь, тов. Кржижановский, это же целая революция!.. Вместо середнячкой, а то и кулацкой кобылы на них (тракторах) рулюет бедняк, батрак! Ведь это же живой кусок социализма!» (цит. по: *Проурзин И., Масленников А.* Боец ленинской партии: С. А. Бергавинов // Незабываемые имена: [биогр. очерки] / ред.-сост. В. И. Климачев. Архангельск, 1979. С. 8; в сокр.: *Толкачев В.* Встречи на Пинеге // Пинежская правда. 1984. 19 апр. № 47. С. 4).

Лето. А. участвует в сельскохозяйственных работах и впервые выезжает на дальний сенокос.

Свидетельство *А. Ларионова* (1983, публ. 1999): «...он рассказывал мне про Хорсу. Как семилетним мальчишкой гонял сюда коров на выпас, и говорил о тех годах благоговейно. „Знаешь, счастливые были годы. Дал нам веркольский совет землю под расчист-

³⁸ Так в источнике.

ку. Мать-вдова собрала нас всех робяшей, мал мала меньше, я младший был, и повела пилить, корчевать лес, пашню готовить. Работали, можно сказать, круглые сутки. Свет стоит — белые ночи. Припадем, прямо тут же на расчистке, на часок для роздыху, и опять за работу. Пашню распахали, скотину свою завели, лошади, коровы, овцы... Ту-то я и пастушонком стал, опять в деле. Гоним бором скотину, сумеречно, опасно, те из ребят, кто постарше, нас медведем пугают. Мы дрожим, жмемся друг к дружке и все торопим, все не чаем, скорее бы Хорса. А коровы не поспешают, у ручья станут, воды в удовольствие попьют и дальше зашагают... Мы все с опаской за деревья, за край дороги поглядываем... Так в страхе-то и до Хорсы доберемся, а уж там раздолье, как в степи. Откуда только у нас такое место выбралось. Целый день прыгаем, скачем, крутимся наперегонки, отбиваемся от гнуса, комарья, мошки... И столько солнца! Да за всю жизнь потом столько не видывал... Хорса и расчистки так и остались счастливыми днями, будто во сне вещем явились. Ты уж, возможно, такого не застал, тридцатые годы были другими, а уж о пятидесятых не говорю, когда расчистки совсем зарастать стали, не нужные ни для пашни, ни для пожни. Вот горе-то народное когда пришло...» (Ларионов. С. 14).

Свидетельства А.:

«... семи лет меня повезли на дальний сенокос <...>» (Слон голубоглазый [1979] // Собр. соч. Т. 4. С. 208).

«Мальчика 6–7 лет вывезли на сенокос. (На дальнюю пожню.)

Работничек! Но дали косу, тюкает.

— Мама, я на ярочку сена наставлю.

— Коси, милушка, на барана.

— Не хочу на барана. Он бодается.

— Ничего.

— Не буду на барана! — расплакался, вспомнил окаянного.

Пришлось утешать работника, согласиться, чтобы косил на ярочку, а не на барана» (Поздняя черновая заметка к предполагаемой доработке романа «Братья и сестры» [без указ. даты] // Там же. Т. 1. С. 543).

Свидетельства М. А. Абрамовой:

— в письме к И. П. Золотусскому (без указания даты): «Во время страды старший брат³⁹ забирал всех на сенокос на дальние пожни верст за 30. Мы с мамой оставались дома. Мама жать уходила в поле, а я должна травы корове и овцам наносить. В лес сходь за голубикой» (Золотусский. С. 12).

— в воспоминаниях: «Когда умер отец, дрова заготавливали Михаил и Николай. Ставили сено по Сямженьге, по Великой, по Хорсе. Когда ехали на Великую, грязь лошади на спину заливалась. Хороших сенокосных угодий не было. Всё кочки. Михаил брал всех на сенокос. А я оставалась с матерью» (Галочкина. С. 120).

³⁹ Михаил.

Свидетельство *Анны Васильевны Абрамовой*, жены М. А. Абрамова: «Михайло за отца у них был. Все ездил к сену. Сено ставили на Хорсе. Младшие гребли, а Михайло метал. Сена наставят, сколько хошь. Раньше ведь у каждого колхозника корова была да овцы» (Абрамова. С. 44–45).

Свидетельство *А. Сумкина*, жившего в д. Лохново⁴⁰: «На сенокос выезжали семьями. Первый раз я стал косарем <...>, закончив <...> четыре класса. <...> На пожни выходили тогда семьями, брали с собой коров. Попадали на лодках с продуктами на сезон. <...>

В сухую <...> погоду работали с четырех утра до 11 ночи. В три упряга: с 4 до 8, с 11 до 2 и с 4 до заката. Если не было росы, убирали до поздней ночи. Убирали все: и бережины, и калтуса (в лесу сухие болота). На семью в день по 5–6 тонн сена ставили. Стожары, словно зубья в редкой расческе, равны по верху и строго перпендикулярны. Блестят пролысиной до самого верху. Не сделай пролысины — березовый длинный кол прослужит всего один сезон.

Сенокос протекал быстро, за 2–3 недели. Так что самая ценная, богатая витаминами трава сушилась на сено. Зароды⁴¹ огораживали, чтобы лось или другое животное не подъели, березовыми жердями. Между семьями шло соревнование. 10 промежков сосед поставил, ну так я 12. Качество сена проверяли сами. Сунешь в стог руку, чувствуешь — неладно, перемечем стог. Так что порчи не было. В сырую погоду стожары ставили с рогатками.

Жили в старой пекарне на участке Лохновка. Там же и хлеб для себя пекли. Жили дружно, коллективно ловили рыбу. Раньше, где бы ни работали, везде пели. Теперь редко это бывает. Другой раз устанешь, запоешь — и вроде усталь проходит. Танцевали под балалайку. Морошку, грибы собирали. Веточный корм заготовляли, лес, делали плоты. И пока не выставим все сено, в деревню не выезжали. <...>

Как вспомнишь: сено сухое, хорошее. Вершили осотой или хвоей ели, чтобы не промокло. Под зарод клали бревна, кряжи, чтобы не было одонья» (*Сумкин А.* Сенокос в 30-х // Пинежская правда. 1990. 11 сент. № 109. С. 2)⁴².

Сенная избушка описана А. в прологе к роману «Братья и сестры».

«При виде избушки я позабыл и об усталости, и о дневных огорчениях. Все тут было мне знакомо и дорого до слез: и сама покосившаяся изба с замшелыми, продымленными стенами, в которых я мог бы с закрытыми глазами отыскать каждую щель и выступ,

⁴⁰ Лохново находится в 6 км от устья р. Покшеньга, левого притока Пинеги, и в 8 км к юго-западу от Карпогор по прямой.

⁴¹ Свидетельство А.: «В своем творчестве я ориентируюсь прежде всего на звучащую устную современную речь. Деревенская речь современного Севера — а все мои герои, как правило, оттуда — неисчерпаемая кладовая. Север хранит заповедный русский язык, и в частности моя Пинега. Возьмите наше слово „зарод“, равнозначное общерусскому „стог“. Со сколькими словами оно связано!.. „Природа“, „зародыш“, „родник“ (в двух значениях), „народ“, „сродник“... Воистину выплеснулось из родникового языка...» (Язык, на котором говорит время [1972] // Собр. соч. Т. 5. С. 217).

⁴² Ср. описание выезда на сенокос в военное время, данное А. в романе «Братья и сестры», см.: 1942. Июль, 10.

и эти задумчивые, поскрипывающие березы с ободранной берестой внизу, и это черное огневище варницы, первобытным оком глянувшее на меня из травы...

А стол-то, стол! — осел, еще глубже зарылся своими лапами в землю, но все так же кремнево крепки его толстые еловые плахи, тесанные топором. По бокам — скамейки с выдолбленными корытцами для кормежки собак, в корытцах зеленеет вода, уцелевшая от последнего дождя.

Сколько раз, еще подростком, сидел я за этим столом, обжигаясь немудреной крестьянской похлебкой после страдного дня! <...>» (Собр. соч. Т. 1. С. 7).
